

И СНОВА ВЕЩИЙ СОН

Прадедушка Уокер, девяноста двух лет от роду, для своих рассказов всегда выбирал самые темные ночи. Он подпирал подбородок переплетенными пальцами и начинал:

— Знаете, много чего странного происходило среди этих холмов...

Даже близняшки Мэллори и Мередит, которые, будучи самыми старшими правнучками в семействе Бриннов, уже теоретически выросли из того возраста, когда страшные истории, рассказанные ночью у костра, могут напугать, испытывали после этих слов прадеда странный холодок, пробегающий по спине. Папа или дядя Кевин тем временем подбрасывали в костер последнюю за ночь охапку сухих дров. Младшие двоюродные братья и сестра сидели у родителей на коленях, а старшие кутались в одеяла, принесенные из летних домиков. В городе дети решили бы, что ткань этих одеял слишком грубая и колючая, но в «лагере» возле хребта Плачущей женщины они казались очень даже ничего. Отблески костра играли на худом выразительном лице прадедушки, а тот рассказывал детям о том, как его дед Эллери когда-то пришел в эти края с женой и двумя сыновьями. Котелки, кровельный гонт и другие нужные в хозяйстве вещи везли пять уэльских пони. До этого их семья, покинув холодные берега Уэльса, добиралась до Нью-Йорка на борту пакетбота. Здесь они собирались жить, зарабатывая себе на пропитание тем, что будут добывать в этом диком крае медную руду. Они были валлийскими горняками, привыкшими к трудностям и лишениям, поэтому на новом месте прижились.

Первый дом, срубленный Эллери Бринном на новом месте, до сих пор стоял в центре летнего «лагеря» семьи, всего в нескольких сотнях футов от ствола шахты, которую основатель рода разрабатывал. С тех пор дом много раз перестраивали. Вместе с сыновьями и внуками Эллери Бринн находился в числе тех, кто основал в долине небольшой городок Риджлайн. На Дороге пилигримов они возвели пять больших четырехугольных кирпичных домов, в которых поселились члены семьи Бриннов. Теперь только отец Мередит и Мэллори жил в доме, в котором прошло его детство. Один дом превратили в городскую библиотеку, а остальные три пошли на слом. В любом случае история семьи Бриннов прочно вплелась в историю Риджлайна.

Рассказы прадедушки Уокера были не из тех, что можно прочитать в старых документах или брошюрках по истории родного края. От них веяло древностью и таинственностью.

Еще до тех времен, когда появились автомобильные и прочие воры, которые, по словам прадедушки Уокера, «оберут тебя до ниточки», у детей существовало достаточно причин, чтобы быть настороже, а после заката даже носа за дверь не показывать. На границе с Канадой в те времена бродили черные медведи и пумы, называемые также горными львами, или кугуарами. Трижды пропадали дети. Регина, жена-француженка лучшего друга его отца Оберлина Разлогое Дерево из индейского племени кри, божилась, что видела девочку, воспитанную пумами. Она неслась по лесу, подобная дикому зверю, — стремительная и загорелая, а ее длинные, очень длинные волосы развевались на ветру. Холодными весенними ночами, когда ярко светила луна, а пумы громко перекликались, дети, проснувшись, отодвигали края ширм, которые в домах первых поселенцев заменяли внутренние стены, и бежали к кроватям родителей. Вой пум был способен, казалось, разрушить

крепкие стены бревенчатых домов. По словам прадедушки, этот вой не поддавался описанию — похожий на человеческий и в то же время лишенный всего человеческого. Иногда в общем хоре пум люди слышали мелодичный, совсем не похожий на звериный, голос. Согласно легенде, однажды белая пума вскочила на спину коня поселенца и ускакала на нем, сидя, словно человек.

Рассказы прадеда Уокера были неотъемлемой частью воспоминаний его правнуков. Если они и воспринимались серьезно, то только потому, что являлись столь же привычными, как веснушки и серые глаза в семье Бриннов.

Именно вследствие этой глубокой веры в правдивость рассказов прадедушки Мэллори Бринн не усомнилась в реальности происходящего, когда увидела белую пуму.

Животное не торопясь, грациозно шествовало по коридору школы, в которой училась девочка. Вид дикого зверя в школе не вызвал у Мэллори ни малейшего удивления. Пума была очень красивая. Настоящая снежная статуя, а не зверь. Мускулы бугрились и ходили ходуном под идеально белоснежной шкурой. Все было бы ничего, да вот только глаза, поблескивающие на большой, отдаленно напоминающей по форме треугольник голове казались уж больно... человеческими.

Пума миновала небольшой холл при коридоре, ведущем к малому театру. Над арочным входом зелеными и белыми буквами была выложена надпись «ЛЮБИТЕ ИСКУССТВО РАДИ ВСЕОБЩЕГО БЛАГА!». Пума поводила головой из стороны в сторону, словно прислушивалась к чему-то, а затем свернула в узкий коридорчик, ведущий в раздевалку для девочек. Здесь в полном порядке, по требованию тренера Эверсон, хранилась форма девочек из группы поддержки. На шнурах висели помпоны. Теннисные туфли, некоторые такие маленькие, что подошли бы, казалось, только ученице младшей школы, стояли рядком на скамейке.

Внезапно пума взмахнула лапой и скинула последнюю пару теннисных туфель со скамьи. А потом взглянула на Мэллори. Мука и обида промелькнули в ее человеческом взгляде. Сердце сжалось в груди девочки. Пума открыла пасть, обнажив клыки, и из ее глотки вырвался вопль боли, вопль, который прадедушка Уокер не смог описать, вопль, который никто из Бриннов не слышал за минувшее столетие. Мэллори поняла, что этот вопль предназначен ей.

Девочка закричала и, подскочив на постели, едва не ударила головой о нависавшую над кроватью балку покато́й крыши: спальня близняшек располагалась в мансарде.

Мерedit, которая в это время занималась тем, что получалось у нее лучше всего, а именно разглядывала себя в зеркало, на мгновение замерла, а затем, подскочив на месте, словно ракета, завопила вслед за сестрой, беря на целую октаву выше. Королева мыльных опер была в своем амплуа.

— Замолчи! — театрально хватая ртом воздух, воскликнула Мерedit. — У меня сейчас разрыв сердца будет!

Но, произнося это, она чувствовала, как в ее душу проникает нечто древнее и темное. Мерри и сама слышала эхо жуткого вопля из прошлого, напугавшего ее сестру. Она и Мэллори были двойняшками, зеркальными копиями друг друга, такими похожими внешне и столь разными по характеру, как только могут быть два человека. Со времени того злосчастного дня рождения минуло почти десять месяцев. Все последующие события доказали, что, хотя бы они этого или нет, а Мэллори видит будущее в то время, как ее сестра-близнец Мерedit — прошлое.

Что бы ни угрожало Мэллори, оно неизбежно станет угрозой и для Мерри.

ТЯЖКИЙ ДАР

Дрожа всем телом, Мэллори, завернувшись в стеганое ватное одеяло, села на кровати и постаралась подавить в себе раздражение, вызванное воплем сестры. Крикливость была неотъемлемой частью характера Мередит. Сестра не могла удержаться от восторженного возгласа даже тогда, когда одна из пустоголовых подружек говорила ей по мобильному телефону, что очередной мальчик, которому Мерри в данный момент симпатизировала, сейчас смотрит в ее сторону, пока они все сидят в школьном автобусе. Она вопила даже тогда, когда одна из развеселой компании «гениальных» девочек, с которыми водилась Мередит, звонила ей, чтобы сказать, что в «Туфельном павильоне» настоящие «Аги» продаются с двадцатипроцентной скидкой.

До девочек донесся приглушенный голос мамы Кэмпбелл:

— Что такое? Еще только шесть утра!

Мерри закричала в ответ:

— Извини! Я мыши испугалась!

— Очень умно, — прошептала Мэллори. — Через пятнадцать секунд мама заявится сюда с мышеловкой и арахисовым маслом.

Но Кэмпбелл лишь крикнула снизу:

— Нет там никакой мыши! Для мышей в мансарде слишком холодно!

Мерри услышала приглушенное «Ай!» папы Тима, которого Кэмпбелл ткнула в бок локтем.

— Тим! Ты чем перегородки уплотнял? Надеюсь, не ватой...